

СОЛДАТ СУДЬБУ СЕБЕ НЕ ВЫБИРАЕТ

Так уж сложилось, что до самого последнего часа минувшей войны моя солдатская судьба была связана с частями 416-й стрелковой Таганрогской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Той самой, которая изгоняла фашистов с последнего уголка донской земли — Таганрога, где находился и мой дом. Той самой дивизии, которая обороняла Кавказ и дошла до Берлина. А это — более 2.500 километров с тяжельми боями. Это форсирование под огнем врага 40 рек, среди которых такие, как Дон и Днепр, Днестр и Висла, Одер и Шпрее. Но солдаты шутили: «Мы — пехота, сорок пройдем и еще охота... Дойдем и до Берлина!» И дошли!

Родная матушка-пехота,
Шинели серой жесткий ворс...
Самбек, под Кюстринным
болота —
Всего хлебнуть тебе
пришлось.
Шаг у пехоты спор и ходок.
Солдат на марше ел и спал.
Он за войну одних обмоток
Верст пять, наверно,
намотал.
Сил для победы не жалел
и не ища себе наград,
Прошел от Терека до Шпрее
Моей дивизии солдат.
Он шел с одной высокой
целью:
убить жестокую войну.
В нее, в нее он только
целил,
в нее, проклятую, одну!
Он шел — и дети улыбаются,
и отступали ночь и смерть...
А у дороги оставались
могилы братские чернеть...

Знойным летом сорок вто-
рого фашисты прорвали
фронт под Ростовом, и их
танковая армада устремилась
на юг. Началась оборона
Кавказа. В Баку спешно
формируются новые части.
Там была сформирована и
416-я стрелковая дивизия.

После ускоренной подго-
товки, уже в сентябре, она
приняла бой и вскоре пере-
шла в наступление. Развер-
нулась битва за Моздок, за
освобождение Ставрополя и
Краснодарского края, а в пер-
вых числах февраля сорок
третьего мы уже победно ша-
гали по родной донской зем-
ле.

В Азове дивизия получи-
ла неожиданный приказ:
скрытно пройти через устье
Дона и занять село Синяв-
ское, не допустив тем самым
отступления вражеских войск
на Таганрог.

Безлунной ночью полки
вошли в плавни.

Камыши, камыши, камыши...
Можно день идти, можно
пять,
и — ни деревца, ни души!
Только рыжие камыши
будут чубом казачьим
качать.

Камыши камыши, камыши —
и — ни троп, ни просек,
ни дорог.

Только «рама» над нами
кружит,
да вода ледяная плюстит
из разбитых солдатских
сапог...

Синявское езяли с ходу.
По замыслу командования,
одному батальону было по-
ручено совершить по льду
залива скрытный ночной
марш-бросок к Таганрогу и
внезапным ударом завязать
в городе уличные бои.

С наступлением темноты
батальон храбрейшего коман-
дира — майора Джафарова
ушел в дерзкий рейд.

Спокойно, неторопливо,
без шума и суеты
Шагали по льду залива
Батальон Таганрогу в тыл.
Разведка замешкалась где-то.
Играет скулой комбат:
Осветят залпы ракеты —
Бойцам ни вперед, ни назад!
Но вдруг неожиданно,
звонко.

Рассветную стынть глуша,
Грхнули наши «лимонки»,
Ударили ППШа.

Рванулись на берег роты
Лавиной свинцовой пурги —
и замолкли дзоты.
и отступали враги.

Вставало дымное утро —
А бой все крепчал, крепчал...
Разгромлена комендатура,
Занят морской причал.
Путь уже к центру
прорван —

Вперед бы, вперед сейчас!
Но на исходе патроны,
Снарядов несяк запас.
И окружают «тигры».

Назад отрезая путь...
Только бы время выиграть.
До ночи б дотянуть!
Не отступил, не сдвинулся,
Не сдался врагу в полон,
Бился у старой гостиницы
Джафарова батальон.
и падали утренней ранью,
Подмошенные на бегу,
Колхозники из Мугани,
Нефтяники из Баку.

Двенадцать часов батальон
Джафарова вел неравный бой
в глубоком тылу врага, об-
легчая своей дивизии про-
движение на Таганрог. Более
500 фашистских солдат и
офицеров было уничтожено в
уличных боях...

Под Самбеком истощенная
бесперывными наступатель-
ными боями дивизия встре-
тила мощную глубоко эше-
лонированную оборону и пе-
решла в оборону...

Высоты Самбена,
Высоты Самбена, —
Мы взять не смогли вас
С разгона,
С разбега.
И штурмом не взяли...

После Победы в память об
этих исторических сражени-
ях трудящиеся Дона и Азер-
байджана воздвигли у Сам-
бека величественный мемо-
риал.

...Душный рассвет 18 ав-
густа сорок третьего.

Дивизия переброшена на
направление главного удара.
Впереди — двадцатикило-
метровая полоса прорыва, и
в центре ее — неприступная
и легендарная Саур-могила...

Вспоминается все до мело-
чей: 4.00 — массивная
артподготовка, 5.00 — се-
рия красных ракет: атака!

К 10 часам два наших
полка прорвали передний
край врага и вышли к Саур-
могиле. Но путь им прегради-
ли десять самоходок, вры-
тых в землю.

Яростный бой длился до
вечера.

План ввода в прорыв 11-го
танкового корпуса срывался.
И тогда, воспользовавшись
наступившей темнотой, рота
Салата Мовланова подполз-
ла вплотную к высоте и ата-
ковала ее. Автоматчики ро-
ты Гусейнов и Асланов на-
бросили плащ-палатки на
смотровые щели двух само-
ходок, и это решило исход
атаки — Саур-могила взята!

Где-то близко загрохотали
наши танки. Обгоняя пехоту,
в прорыв ринулись красные
конники, казачий эскадрон
генеральных рубак!

Горько полны серебритса...
В памяти — словно из тьмы:
Там, на вершине — «фрицы»,
В поле, где степи, — мы.
Маки, маки, степные маки —
Сабля — молния, конь
гриваст.

Как вас мяли стальные
траки,
Как шрапнелью косили вас!
...Может, это совсем не
маки —

Кровь сочится из-под земли?
Из легенды пришли рубани
и в легенду опять ушли.

Через несколько дней моя
дивизия победно ворвалась в
мой Таганрог, и кованные ко-
пыта красной конницы мирно
закопали по старинным ули-
цам города.

Потом были Николаев и
Одесса, Кишинев и Варшава,
неприступные Зееловские вы-
соты на подступах к Берлину,
на подступах к Победе.

В поверженном Берлине на
Копеникер-штрассе, у меня
произошла неожиданная и
удивительная встреча. Утром
в отделение кадров дивизии
позвонил генерал-майор Сыз-
ранов — наш комдив:

— Старшина Коломенский,
сейчас к вам подъедет кор-
респондент. Оформите на не-
го наградной материал на
орден Красного Знамени.

Минут через пятнадцать
в помещение коротко посту-
чали, дверь распахнулась, и
я неожиданно услышал хо-
рошо знакомый глуховатый
низкий голос:

— Разрешите? Здравия
желаю!

У порога стоял в кавале-
рийской форме высокий май-
ор. Это был... Виталий Алек-
сандрович Закруткин, так та-
лантливо читавший литфак-
цам Ростовского пединститу-
та курс истории литературы
XIX века!

...Оставил и я на мрачной
каменной стене рейхстага
свои выстраданные за годы
войны слова. Правда, за не-
имением карандаша или ку-
сочка мела пришлось это
сделать солдатским тесаком...

ЮРИЙ КОЛОМЕНСКИЙ.